

## ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

С.А. БЕЛАНОВСКИЙ,  
М.Э. ДМИТРИЕВ,  
А.В. НИКОЛЬСКАЯ

## Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян

В статье представлены результаты качественного социологического исследования, проведенного в апреле–мае 2018 г. в Москве, Владимире и Гусь-Хрустальном. Полученные данные позволили выявить ростки значимых изменений в массовом сознании, которые ведут к перелому сложившихся трендов, но пока в полной мере не проявились в количественных социологических опросах. Спонтанные изменения в массовом сознании, являющиеся результатом межличностного общения, в том числе в социальных сетях, способны формировать самостоятельный, автономный от официальных СМИ, фундаментальный и устойчивый тренд. Этот тренд заключается в смещении локуса контроля с внешнего во внутренний план, усилении запроса на рискованные перемены, а также изменении представлений о средствах достижения социальной справедливости. Выдвигается гипотеза, что такого рода изменения в массовом сознании могут привести к формированию новой общественно-политической повестки, связанной с усилением влияния контрэлитного популизма.

**Ключевые слова:** локус контроля, социальные сети, личностный профиль, справедливость, популизм.

**DOI:** 10.31857/S086904990003939-4

Данная статья основывается на материалах исследования, которое было проведено более чем за месяц до объявления в России о повышении пенсионного возраста, которое привело к существенному снижению рейтингов одобрения институтов власти и к резкому усилению протестных настроений. Тогда большинство социологических показателей все еще находилось в пределах устойчивых трендов, сложившихся в период после присоединения Крыма. Но в нашем новом обследовании уже отчетливо просматривались признаки серьезного перелома общественных настроений, который, в частности, мог обострить реакцию общества на повышение пенсионного возраста. В контексте полученных нами результатов становятся более понятными и долгосрочные последствия этого внезапного всплеска общественного недовольства.

---

*Белановский Сергей Александрович* – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: просп. Вернадского, д. 82, корп. 2, Москва, 119571. E-mail: sbelan@yandex.ru

*Дмитриев Михаил Эгонович* – доктор экономических наук, Президент Хозяйственного партнерства “Новый экономический рост”. Адрес: улица Петровка, д. 17, стр. 2, офис 106. Москва, 107031. E-mail: mikhaildm@mail.ru

*Никольская Анастасия Всеволодовна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина. Адрес: улица Садовническая, д. 33, Москва, 115035. E-mail: tonokazutoya@gmail.com

Для предварительного анализа потенциальных изменений в массовом сознании мы используем методологию, сочетающую методы качественной социологии (в основном фокус-группы) с психологическими тестами. Основная цель этой методологии – выявление потенциальных значимых изменений в массовом сознании, ведущих к перелому сложившихся трендов, но пока в полной мере не проявившихся в количественных социологических опросах. Чтобы верифицировать полученные результаты, мы сопоставляем их с данными количественных социологических исследований. Рассматриваемый проект не предполагал проведения самостоятельных количественных опросов, поэтому для верификации наших оценок мы использовали опросы других социологических центров. В данном случае это были в основном материалы Левада-Центра.

В прошлом эти подходы позволили нам заранее и с довольно высокой точностью выявить нарастание протестной активности и недовольства населения, которое предшествовало выборам в Государственную думу в конце 2011 г. [Белановский, Дмитриев, Мисихина, Омельчук 2011]. В дальнейшем эта методология дорабатывалась в ходе нескольких раундов аналогичных исследований в 2012–2014 гг., когда общественные настроения отличались гораздо большим динамизмом и волатильностью, чем в период после 2014 г. [Белановский, Дмитриев 2012; Белановский, Дмитриев, Мисихина, Никольская 2013].

Источники изменений в массовом сознании можно разделить на две группы:

– **ситуационные сдвиги**, как правило, инициированные через официальные СМИ, главным образом центральные телеканалы. Эти изменения зачастую носят сильный, но кратковременный характер и часто меняются в зависимости от изменения транслируемых сообщений;

– **автономные и спонтанные изменения**, являющиеся результатом межличностного общения на бытовом уровне. Эти изменения могут быть вызваны как событиями общероссийского и международного масштаба (например, присоединение Крыма или падение цен на нефть), так и локальными, но широко обсуждаемыми, причем типичными для многих местностей, событиями (например, свалкой в Волоколамском районе). Последние, хотя и затрагивают напрямую лишь небольшие группы населения, влияют на массовое сознание благодаря своей многочисленности. Постепенно, по мере накопления и распространения реакций на происходящее, они способны формировать самостоятельный, автономный от телевидения тренд, более фундаментальный и устойчивый.

Оба источника изменений могут взаимодействовать друг с другом. Тем не менее наша гипотеза состоит в том, что в сложившихся условиях второй источник изменений будет наращивать свою силу и в результате способен начать самостоятельно формировать общественно-политическую повестку, с которой все более вынуждены будут считаться официальные СМИ. Безусловно, наши выводы о назревающей смене общественных настроений сугубо предварительны. Как уже отмечалось, не все они успели проявиться в данных количественной социологии. Однако опережающие признаки структурных изменений в массовом сознании, которые обозначились в наших фокус-группах, указывают на растущую вероятность перелома устойчивых трендов, установившихся в общественных настроениях в период после 2014 г.

Наше новое исследование проводилось в рамках проекта Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИОН РАНХиГС). Оно включало небольшое по объему качественное социологическое исследование, проходившее в апреле–мае 2018 г. и состоявшее из 10 фокус-групп (возраст их участников составляет 30–45 лет, за исключением группы со студентами). Из этих 10 фокус-групп пять из Москвы (в том числе одна со студентами вузов), две из Владимира, две из Гусь-Хрустального (депрессивный моногород), одну, также владимирскую группу, составили сторонники П. Груднина. Дополнительно был проведен сравнительный анализ личностных социально-психологических профилей сторонников и оппонентов государственной политики по данным социальных сетей. Он охватывал 60 пользователей социальных сетей (40 – Facebook, 20 – ВКонтакте):

## Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании

Проведенное исследование зафиксировало три направления фундаментальных изменений массового сознания, чреватых сломом сложившихся за последние годы трендов. Это:

- высокая готовность к переменам;
- признаки вытеснения надежды на сильную власть (“легистской утопии”) возрастающим запросом на справедливость;
- переключение на внутренний локус контроля, которое проявляется в ослаблении надежды на помощь государства и в стремлении рассчитывать прежде всего на собственные силы.

**Готовность к переменам.** Выборы президента, состоявшиеся в 2018 г., усилили запрос на некие позитивные перемены. Этот запрос подогревался риторикой предвыборной кампании, акцентировавшей необходимость серьезных перемен. По данным ВЦИОМ и Левада-Центра, перемен хотят 80–90% респондентов. Это огромные цифры, особенно если учесть, что долгое время после катаклизмов 1990-х гг. население предпочитало стабильность переменам и стремилось избегать рисков.

Для тестирования готовности к переменам участникам фокус-групп предлагался проективный психологический тест: “На картинке (см. рис. 1а) изображена дорога от России реальной к России идеальной. Дорога в колдобинах, мы вязнем в грязи, нас заметает снегом. Однако, пусть медленно, но мы двигаемся по ней вперед (по сравнению с 90-ми годами, например). Дорога огибает лужайку с зеленой травой. Путь через лужайку намного короче, но этим путем никто раньше не ходил, возможно, это топь”. Вопрос: “*Рискнете ли вы попробовать пойти коротким путем или предпочтете двигаться известной дорогой?*”

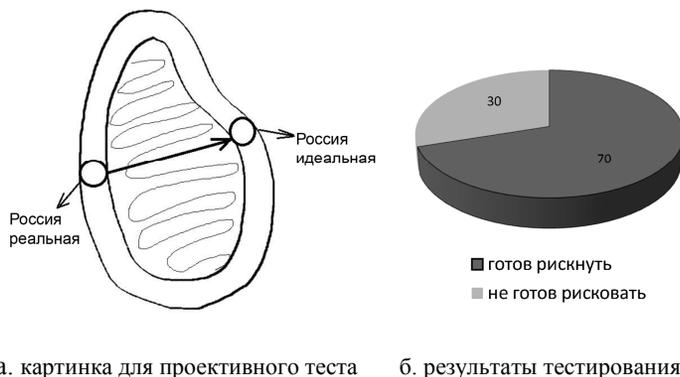


Рис. 1. Проективный тест на готовность к переменам.

Результаты тестирования (см. рис. 1б) свидетельствуют о резко возросшем аппетите к риску. Среди респондентов доминирует запрос на масштабные, рискованные и непроверенные изменения. 70% участников тестов согласны на такие изменения, если они обещают быстрое решение проблем.

Эти выводы подтверждаются количественными опросами. Так, по данным Левада-Центра<sup>1</sup>, среди респондентов теперь доминируют те, кто хочет решительных, полномасштабных перемен: их доля выросла с 42% в августе 2017 г. до 57% в мае 2018 г. Напротив, число сторонников незначительных изменений сократилось с 41% до 25%. В 2017 г.

<sup>1</sup> Левада-Центр (2018) Изменения и перемены // Пресс-выпуск/ 19 июня 2018 ([https://www.levada.ru/2018/06/19izmeneniya-i-peremeny/?utm\\_source=mailpress&utm\\_medium=email\\_link&utm\\_content=twentyen\\_singlecat\\_20696&utm\\_campaign=2018-06-19T07:10:10+00:00](https://www.levada.ru/2018/06/19izmeneniya-i-peremeny/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyen_singlecat_20696&utm_campaign=2018-06-19T07:10:10+00:00)).

среди тех, кто предъявляли запрос на перемены, преобладали малоимущие слои с ярко выраженным запросом на социальную справедливость [Волков, Колесников 2017]. Но в мае 2018 г. число ждущих перемен явно вышло за рамки малоимущих слоев и охватило средние слои населения.

Таким образом, можно констатировать, что запрос на изменения в обществе есть. Однако требуются дополнительные исследования, чтобы понять, какого рода изменения будут восприняты обществом как желательные и на какие риски готово идти население ради этих изменений. Возможные ответы на этот вопрос становятся яснее в свете двух других потенциальных подвижек в массовом сознании, о которых речь пойдет ниже.

**Надежда на сильную власть (“легистская утопия”).** Во всех наших предыдущих исследованиях фиксировалось массовое распространение представлений о том, что сильный правитель, опирающийся на легистскую философию<sup>2</sup>, наведет порядок и устранил всякую несправедливость.

До недавнего времени большинство населения готово было предоставить В. Путину по существу легистские полномочия в надежде на достижение позитивных результатов. Но первоначальный ореол притягательности модели сильного лидера стал ослабевать. Теперь, по нашим данным (см. рис. 2), на первый план выходит не требование сильной власти (5% участников фокус-групп), а требование справедливости (80% участников, с учетом близкого по смыслу запроса на действенную социальную политику).

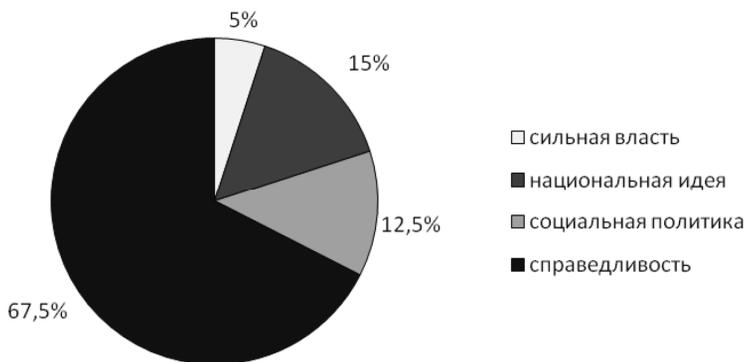


Рис. 2. Вытеснение “легистской утопии” абстрактным запросом на справедливость.

Согласно М. Урнову, представления о справедливости включают два понятия:

1) дистрибутивная справедливость (равное и справедливое распределение материальных благ); 2) процессуальная справедливость (равенство всех перед законом) [Урнов 2012]. Сейчас в нереализованных запросах населения преобладает дистрибутивная справедливость. В частности, в ответах на вопросы о том, что не удалось сделать Путину за годы его пребывания у власти, из 6 ответов, набравших наибольшее число голосов, 4 касаются дистрибутивной справедливости и лишь один, пятый по значимости, – процессуальной справедливости<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Напомним: легизм – философская школа в истории Китая IV–III в. до н.э., известная так же как “Школа законников” (кит. “Фа”). Основные идеи школы: была введена жесткая система правил поведения, система коллективной ответственности и наказаний за их нарушение; высшая цель деятельности государя – создание могущественной державы, способной объединить Китай военным путем; к чиновникам предъявлялось ключевое требование – беспрекословно повиноваться государю; предполагалось ограничить общинное самоуправление, подчинить семейные кланы местной администрации; прилагались усилия по унификации общественного сознания.

<sup>3</sup> Левада-Центр (2018) Владимир Путин // Пресс-выпуск/ 07 мая 2018 ([https://www.levada.ru/2018/05/07/vladimir-putin/?utm\\_source=mailpress&utm\\_medium=email\\_link&utm\\_content=twentyten\\_singlecat\\_20230&utm\\_campaign=2018-05-07T07:01:06+00:00](https://www.levada.ru/2018/05/07/vladimir-putin/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_20230&utm_campaign=2018-05-07T07:01:06+00:00)).

Особенностями растущего запроса на справедливость являются аморфность, нереалистичность и иррациональность. Понятие справедливости выстраивается вокруг символических якорей, остающихся вне рационального дискурса. Примерами таких якорей служат:

- пенсионный возраст;
- убежденность в том, что пенсионеры – самая бедная социальная группа;
- бесплатный доступ к здравоохранению и образованию;
- неодобрительное отношение к иностранным мигрантам.

Согласно одному из наших предыдущих исследований, логическая аргументация против таких символических якорей порождает защитную реакцию в виде логической обструкции (нежелания оставаться в рамках рационального обсуждения проблемы и ее реалистичных решений). Эти особенности восприятия символических якорей наглядно проявились в общественной реакции на повышение пенсионного возраста. Общество охотно воспринимает любые, в том числе бездоказательные и риторические, аргументы против его повышения. Однако игнорируются долгосрочные риски сохранения текущего пенсионного возраста и доводы в пользу его повышения, какими бы обоснованными они ни были.

Как показано в [Волков, Колесников 2017], с использованием данных Левада-Центра, запрос на справедливость в таком понимании тесно перекликается с запросом на быстрые и решительные изменения. Их исследование, проведенное на материалах августовского обследования 2017 г., продемонстрировало, что запрос на быстрые и решительные изменения тогда был характерен прежде всего для низкостатусных социальных групп, преимущественно старших возрастов, проживающих за пределами крупных городов. Для этих же респондентов был характерен акцент на дистрибутивную справедливость и эмоционально-символическое восприятие перечисленных выше социальных якорей.

Но, как уже было отмечено, в августе 2017 г. запрос на быстрые и решительные изменения предъявляло значительно меньшее число опрошенных, чем в мае 2018 г., когда таких респондентов оказалось уже абсолютное большинство. Это значит, что запрос на быстрые и решительные изменения, равно как и запрос на справедливость, предъявляет сейчас гораздо более широкий круг людей, далеко выходящий за рамки низкостатусных социальных групп вне крупных городов.

С этим может быть связано то, что в наших фокус-группах звучали и высказывания, свидетельствующие не только о дистрибутивном, но и о процессуальном понимании справедливости. В частности, говорилось о том, что справедливость – это предоставление равных шансов, которое позволяло бы строить общественные институты на основе меритократии. Таким образом, при более массовом запросе на изменения и справедливость может расти и число людей, придающих первостепенное значение не дистрибутивной, а процессуальной справедливости, что в большей степени характерно для представителей среднего класса.

**Переключение на внутренний локус контроля.** Локус контроля<sup>4</sup> в прошлом уже переклюкался с внешнего на внутренний и обратно. Первый раз это, по-видимому, случилось в 1990-е гг., когда было отмечено усиление внутреннего локуса контроля [Кесельман, Мацкевич 2003]. Второй раз – в нулевые годы, когда обозначился возврат к преимущественно внешнему локусу контроля.

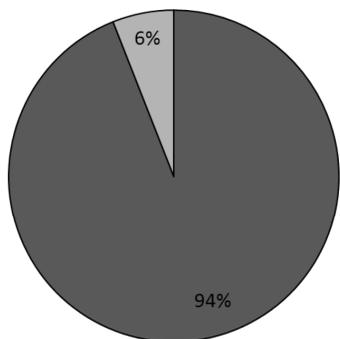
В нашем новом исследовании появились признаки того, что локус контроля сдвигается в сторону усиления личной ответственности. 94% наших респондентов заявили, что не полагаются больше на государство, а только на себя (см. рис. 3). Основная причина этого: как и к концу 1990-х гг. затяжной экономической кризис привел к снижению уровня жизни, а государство помочь не смогло. Люди вынужденно начали полагаться на собственные силы, поскольку апелляция к государству для улучшения жизни в период кризиса переста-

---

<sup>4</sup> Локус контроля – понятие в психологии, характеризующее свойство личности приписывать свои успехи или неудачи только внутренним, либо только внешним факторам. Наши исследования 2011–2013 гг. указывали на преобладание внешнего локуса контроля, особенно у респондентов за пределами крупных городов.

ла давать желаемые результаты. Если бы государство смогло поддерживать уровень жизни через социальную помощь, локус контроля, возможно, так и остался бы внешним.

Оправдает ли изменение локуса контроля те “романтизированные ожидания”, которые многие социологи связывали с ним в 1990-е гг.? В контексте нашего исследования можно ожидать совсем иных последствий, о чем будет сказано ниже.



■ рассчитываю только на себя  
□ надеюсь на помощь государства

Рис. 3. Надежда на помощь государства.

Наряду с утратой надежды на помощь государства, среди наших респондентов проявилась весьма четкая тенденция отчуждения от власти и интеграции с обществом. На рисунках, сделанных респондентами в рамках психологических тестов (см. рис. 4), можно видеть, что население не ожидает помощи от государства, но при этом понимает, что выжить в одиночку не получится. Поэтому люди стремятся к объединению, но не с более сильным, а с себе подобными. Если это стремление к объединению получит определенные целеполагающие ориентиры, оно может привести к возникновению серьезных общественных движений.

В рамках меняющегося локуса контроля необходимо учитывать, что общественные движения будут развиваться во многом под влиянием последствий социализации молодого поколения, выросшего в постсоветскую эпоху. Сами по себе эти движения могут быть связаны не только с запросом на справедливость. Их повестка может быть гетерогенной. (В частности, упомянем экологическую тематику – мусорные протесты в подмосковных городах.) При этом цели таких движений далеко не всегда будут рациональны и реалистичны: “...от протестных движений нельзя ожидать того, что они будут понимать, отчего вещи, такие, каковы они есть; нельзя ожидать и того, что они смогут уяснить, каковы будут последствия, если общество поддастся протесту” [Луман 2006, с. 294].



Рис. 4. Инклюзия в общество, эксклюзия от государства.

Еще одним последствием переключения на внутренний локус контроля может стать ослабление влияния центральных СМИ. Люди с внешним локусом контроля могут воспринимать меседжи центральных телеканалов как установки, которые формируют их личное мнение. Переключение же на внутренний локус контроля, напротив, способствует критическому восприятию официальной информации. Если же это касается социальной справедливости и ее символических якорей, таких как пенсионный возраст, то на критическое восприятие нежелательных официальных меседжей может накладываться и их логическая обструкция. При этом усиливается влияние альтернативных коммуникаций, основанных на межличностных отношениях, например социальных сетей.

Эти механизмы хорошо иллюстрирует реакция на повышение пенсионного возраста. Сложившаяся модель коммуникаций с населением через центральные СМИ начинает давать сбои. Люди не воспринимают аргументы центральных СМИ, объясняющих важность и пользу для них повышения пенсионного возраста. В то же время мнения, альтернативные официальным, стремительно распространяются через социальные сети и личные контакты.

Эта тенденция уже нашла отражение в количественных опросах. Так, по опросу Левада-Центра, проведенному в августе 2018 г., доля респондентов, доверяющих телевидению, сократилось по сравнению с июлем 2016 г. с 59% до 49%. При этом доля тех, кто доверяет информации из Интернета и социальных сетей, выросла на 7 процентных пунктов, доля не доверяющих никому на 5 процентных пунктов<sup>5</sup>.

В рамках отчуждения от государства и стремительного роста индивидуализации ожиданий индивидов, стремящихся к счастью и самореализации, буквально в каждой из проведенных фокус-групп звучали высказывания респондентов о необходимости изменения менталитета. Более того, эти высказывания не были иницированы модератором. Вопрос, который задавал модератор, звучал следующим образом: “Что в нашей стране надо менять в первую очередь?”. Треть респондентов (намного больше, чем по любому другому направлению изменений) говорили о необходимости изменения собственного менталитета, который мешает россиянам двигаться в направлении той страны, в которой они хотели бы жить. На рисунке 5 показано, как распределились ответы респондентов на поставленный вопрос. Можно видеть, что среди наиболее приоритетных направлений, на которые следует обратить особое внимание, респонденты называют собственный менталитет, судебно-правовую систему и образование. На замечание модератора “Удивительно, что медицина не вошла в тройку лидеров”, респонденты отвечали, что если в стране будут хорошее образование и “порядок в головах”, то и медицина станет хорошей.

### Что нужно менять в стране в первую очередь

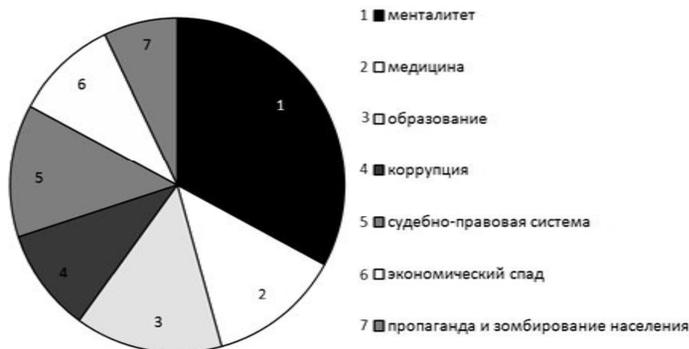


Рис. 5. Ответы на вопрос: “Что нужно менять в стране в первую очередь?”.

<sup>5</sup> Левада-Центр (2018) Каналы информации // Пресс-выпуск / 13 сентября 2018 (<https://www.levada.ru/2018/09/13/kanal-y-informatsii/>).

В рамках отношения населения к проводимым реформам (в частности, повышению налогов и сроков выхода на пенсию) социальные установки, направленные на отношение к этим реформам, во-первых, оказываются в фокусе сознания; во-вторых, в процессе оценки реформ (объекта социальной установки) происходит упрощение поступающей новой информации об объекте (о чем говорилось выше при упоминании того, что население отказывается слышать доводы в пользу реформ, подвергая их логической обструкции); в-третьих, в процессе социального приспособления к новым установкам происходит идентификация с группой (группа, в отношении которой поступили несправедливо, о чем говорилось выше в рамках проблемы инклюзии себя в общество) и противопоставление себя иной группе (контрэлитные настроения, обусловленные тем, что элита поступает “несправедливо”).

В связи с вышеизложенным возникает вопрос относительно тех сил, которые могли бы организовать население, сформулировать социальные установки и оформить социальные протесты. Ниже мы приводим результаты еще одного пилотного исследования, посвященного личностным особенностям противников власти.

### **Анализ личностных профилей оппонентов государственной политики (по данным социальных сетей)**

**I. Личностные профили.** В основу данного исследования положен анализ личностных профилей пользователей социальных сетей. Это исследование мы рассматривали в качестве пилотного для создания методики построения личностных профилей на основе открытых данных социальных сетей.

Были отобраны 60 пользователей социальных сетей (40 – Facebook, 20 – ВКонтакте). Их них 27 пользователей социальной сети Facebook поддерживают государственную политику, а 33 – ее критикуют. Анализ их профилей включал посты, комментарии, лайки, размещаемые ссылки, фотографии, эмоджи, обсуждения, дискуссии. Кроме того, для профилирования использовались данные пятифакторного личностного опросника и социальных шкал (послушание, справедливость, социальное поведение, толерантность, факсация на идеях) Висбаденского опросника для всех исследуемых пользователей.

Сравнительный анализ данных опросников и профилей социальных сетей позволяет (в зависимости от активности пользователя в Сети) выявлять следующие личностные характеристики.

*По пятифакторному опроснику личности [McCrae, Costa 1997]:*

1. экстраверсия–интроверсия (избегание внимания – привлечение внимания, замкнутость–общительность, активность–пассивность, подчиненность–доминирование);
2. соглашательность (равнодушие–теплота, соперничество–сотрудничество, подозрительность–доверчивость);
3. добросовестность (импульсивность–самоконтроль, настойчивость–отсутствие настойчивости, крайне редко ответственность–безответственность);
4. дейротизм (тревожность, депрессивность, стабильность–лабильность);
5. открытость опыту (ригидность–пластичность, консерватизм–любопытство).

*По Висбаденскому опроснику [Пезикуан 2001]:*

1. послушание–непослушание;
2. толерантность–интолерантность;
3. приверженность концепциям – свобода от концепций;
4. активное–пассивное социальное поведение.

**II. Сравнительный анализ сторонников и противников государственной политики.** Сравнительный анализ профилей в социальных сетях и тестовых данных позволил получить следующие статистически значимые различия по шести позициям между

группами сторонников и противников государственной власти (на рис. 6 черным цветом отмечены сторонники власти, серым – противники власти).

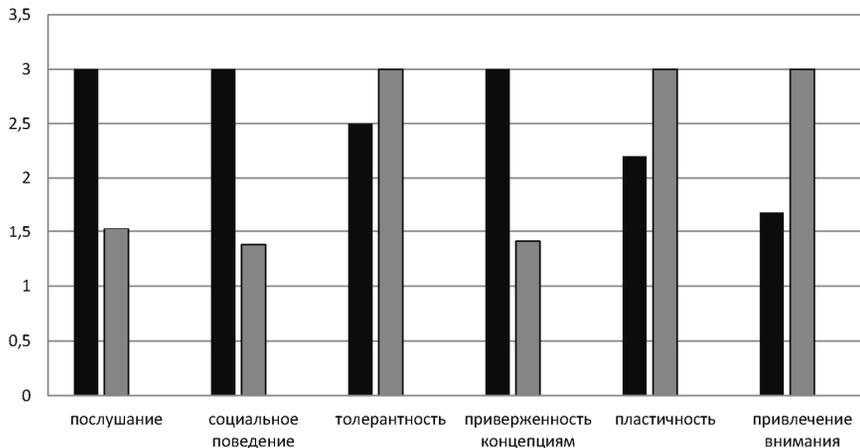


Рис. 6. Сравнительный анализ психологических профилей сторонников и противников государственной политики.

Результаты анализа профилей противников государственной политики показывают, что они:

- не имеют структурированных идей и сложившейся идеологии;
- не склонны придерживаться навязываемых норм и идеологии, стремятся привлечь внимание, готовы принимать новые идеи, не делят мир на “своих” и “чужих”;
- как правило, не являются сторонниками либеральных идей.

При этом протестный потенциал оппонентов государственной политики отличается рядом особенностей. Во-первых, в силу отсутствия приверженности определенным концепциям они не способны объединиться в политическую организацию. Во-вторых, могут осуществлять в основном коллективные локальные протесты ограниченного масштаба по конкретным поводам. В-третьих, стремясь привлечь к себе внимание, они могут активно распространять информацию по социальным сетям. В-четвертых, распространяемая ими информация носит преимущественно эмоциональный характер.

Между противниками и сторонниками государственной политики прослеживаются статистически значимые различия по таким характеристикам, как послушание, приверженность концепциям и привлечение внимания. Несмотря на то, что противники государственной власти не являются приверженцами каких-либо концепций идей, им не чужда тема абстрактной, плохо вербализуемой справедливости. Повышение налогов и пенсионная реформа, с их точки зрения, несправедливы. С учетом присущего им непослушания и нонконформизма, такого рода изменения в стране воспринимаются сквозь призму ценностного конфликта.

Проблема здесь видится в том, что ценности в этой социальной среде не предполагают определенных правил поведения в случае конфликта между ними. В ней не выработано транзитивного или иерархического порядка ценностей, то есть не может быть ценностей, приоритетных в любой ситуации (ценности одной социальной группы не могут превосходить или уступать ценностям другой).

Противники власти, выдвигая свои ценности (справедливость) как абсолютные, изначально (в силу личностных установок на непослушание и привлечение внимания) предполагают выраженное соперничество с ценностями иных социальных групп. Они не видят поводов для уступчивости и компромисса, поскольку не сомневаются, что отстаиваемая ими ценность не может оспариваться в качестве абсолютной. Для них существует только бинарный выбор: либо победа, либо поражение.

Например, по вопросу повышения пенсионного возраста ценностная ориентация на справедливость может быть сформулирована в виде тезиса: “элита хочет продолжать получать супердоходы, а население будет получать все меньше и не доживет до пенсии”. Эта символическая основа – ценность справедливости – находит отклик не только у противников государственной политики, но и у гораздо более широких слоев населения. На такой платформе общество может начать спонтанный поиск новых форм своего единства, не опосредованного государственной властью. Запрос на это возрастает. Причем противникам государственной политики важно демонстрировать масштаб и размеры движения (стремление к привлечению внимания). Отсюда интерес к демонстрациям и стремление сфокусировать на этом внимание.

Для противников государственной политики само выражение протеста становится формой самореализации безотносительно к содержательным поводам для протестов. Но поскольку смысл и самореализация всегда оказываются индивидуальны, это ведет к фрагментации протестной активности и препятствует консолидации протестной деятельности вокруг какой-либо единой содержательной платформы, способной привлечь широкие слои населения.

Протестные акции становятся локальными и ситуативными, часто конкурируют между собой, что не позволяет протестным инициативам добиваться массового успеха. Организаторы акций, как правило, довольствуются сильно схематизированным и упрощенным представлением проблемы и выставляют свою инициативу в качестве реакции на невыносимые обстоятельства, но не ищут реалистичных и реализуемых решений.

При этом, как бы парадоксально это ни звучало, противники государственной политики провозглашают себя ответственными за общество, но по сути оказываются направленными против него. Парадокс заключается в том, что протест сам по себе отрицает общую ответственность за решение поставленной проблемы и всецело возлагает его на тех, кому он адресован. При этом никто даже не пытается понять тех, против кого направлен протест. Именно поэтому необходима тревожная коммуникация, вызывающая в обществе соответствующую реакцию и способствующая привлечению масс к протесту.

Противники государственной политики имеют выраженные притязания на то, что их стремление к самореализации через протест не должно ущемляться властями. Это находит понимание в среде современной российской молодежи, особенно образованной (отсюда феномен последователей А. Навального). Но это, в свою очередь, накладывает ограничения на потенциал рекрутирования подобных протестных движений, поскольку они становятся зависимыми от остаточной веры в государственную помощь (государство, если захочет, то поможет), а также от межпоколенческих различий (родители современной молодежи являются продуктом советской эпохи).

Таким образом, протестные инициативы оказываются лишены рефлексии и самонаблюдения. Они не нацелены на реалистичное решение проблем, поскольку руководствуются в основном тревожными ожиданиями и попытками противостоять тому, что угрожает ценностным ориентациям. Противники государственной политики по большому счету не готовы принять на себя управление или участвовать в нем. Более того, сами по себе протестные настроения они относят к влиянию внешних обстоятельств, а не к наличию внутренней мотивации на решение существующих проблем. С учетом неспособности к объединению (следствие непослушания) протестные движения оказываются гетерархичными, а не иерархичными, полицентричными и не контролирующими процесс собственного изменения. Это ведет к фрагментации протестной активности и препятствует ее формированию как массового движения с консолидирующим набором требований.

### **Возможные последствия изменений в общественном сознании**

Если до июня 2018 г. основные социологические переменные, включая рейтинги одобрения институтов власти и протестные настроения, колебались в пределах трендов послекрымской “новой стабильности”, то летом, после объявления о повышении пенси-

онного возраста, многие из них стали резко меняться. Можно говорить об опасности *волны контрэлитного популизма*. Летом 2018 г. показатели одобрения президента и правительства, по данным Левада-Центра<sup>6</sup>, внезапно упали до низких уровней, характерных для периодов повышенной социальной напряженности (монетизация льгот в 2005 г. и предвыборный период 2011 г.). Показатели склонности к политическим протестам в июле 2018 г. оказались самыми высокими за последние 20 лет<sup>7</sup>.

Вместе с тем наше исследование, проведенное накануне объявления о повышении пенсионного возраста, не выявило признаков усиления протестных настроений, агрессии по отношению к власти или желания участвовать в политической деятельности. Поэтому в контексте полученных результатов столь внезапный подъем протестных настроений выглядит довольно неожиданным. Несомненно, непосредственной причиной всплеска общественного недовольства послужило объявление о повышении пенсионного возраста, о котором наши респонденты в момент проведения обследования еще не могли знать. Однако выявленные нами признаки фундаментальных изменений в массовом сознании могут иметь прямое отношение к происходящему и оказать непосредственное влияние на дальнейшее развитие событий.

Если гипотезы о подвигаках в массовом сознании подтвердятся, это может означать, что население эволюционирует в сторону контрэлитного популизма, волна которого уже захлестнула многие страны Европы и Америки. Усталость от политического *status quo*, запрос на абстрактную справедливость в сочетании с готовностью к быстрым, масштабным и рискованным изменениям – типичные признаки этого феномена. Усиление внутреннего локуса контроля указывает на дистанцирование индивидов от государства и на стремление интеграции с обществом, но без посредничества государства. Это может послужить толчком для активизации общественных движений популистского толка.

С переключением на внутренний локус контроля ассоциируется также повышение автономности массового сознания от официальных СМИ и нарастание критического отношения к месседжам, которые они транслируют. Сдерживать нарастание популистских настроений с помощью официальных СМИ, как это во многом удавалось в последние годы, в таких условиях будет затруднительно. Реакция общества на повышение пенсионного возраста свидетельствует о невозможности властей существенно повлиять на мнение населения по этому вопросу через центральные телеканалы или каким-либо иным способом. Из-за переключения на внутренний локус контроля эффективность сложившихся форматов коммуникации власти с населением будет падать и потребуются поиск новых способов взаимодействия.

Протестная сила популистских движений в России, как видно из проведенного исследования, будет ограничиваться вероятной фрагментацией самих движений и ситуативностью их повестки. Это существенно затруднит поддержание долгосрочной активности движений и консолидацию вокруг них массовых групп населения. Здесь может быть одна из причин, почему первоначальная волна протестов против повышения пенсионного возраста летом 2018 г., несмотря на явные признаки всеобщего недовольства, осталась чередой событий на локальном, максимум региональном, уровне и не смогла дорасти до движения федерального масштаба. Это укладывает протестную активность в довольно узкие рамки, которые в большинстве случаев позволяют властям удерживать контроль над ситуацией, но одновременно не снимает для властей проблему усиления негативизма населения в отношении институтов власти и ослабления их мотивированной поддержки со стороны населения. А такие тенденции могут сохраниться надолго.

Возможно, долгосрочный выход может быть найден в опоре на внутренний локус контроля, например путем расширения возможностей местного самоуправления, в рам-

<sup>6</sup> Левада-Центр (2018) Одобрение институтов власти // Пресс-выпуск/ 30 августа 2018 ([https://www.levada.ru/2018/08/30/odobrenie-institutov-vlasti-4/?utm\\_source=mailpress&utm\\_medium=email\\_link&utm\\_content=twentyten\\_singlecat\\_21702&utm\\_campaign=2018-08-30T14:10:22+00:00](https://www.levada.ru/2018/08/30/odobrenie-institutov-vlasti-4/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_21702&utm_campaign=2018-08-30T14:10:22+00:00)).

<sup>7</sup> Левада-Центр (2018) Протестные настроения // Пресс-выпуск/ 01 августа 2018 (<https://www.levada.ru/2018/08/01/protestnye-nastroeniya/>).

ках которого может быть реализована возросшая потребность людей в горизонтальной интеграции с обществом. Переключение внимания населения на решение местных проблем, где связи между принимаемыми решениями и их последствиями более наглядны и очевидны, чем на общенациональном уровне, снижает риски нереалистичных решений. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

\* \* \*

Наше исследование застало российское население в момент, когда латентные изменения в общественном сознании достигли своего рода критической массы. Они, по-видимому, уже были близки к тому, чтобы перейти в открытые формы и выплеснуться в публичное пространство.

Обследование выявило высокую степень адаптивности населения к сложившимся социально-экономическим условиям. При этом политическая активность и протестный потенциал на тот момент оставались на низком уровне. Но объявленное вскоре после проведения обследования повышение пенсионного возраста могло послужить катализатором, ускорившим переход латентных изменений в открытую фазу, когда они начинаются проявляться в массовом поведении и в реакции общественного мнения. Эти открытые проявления изменившихся настроений и нашли отражение в летних социологических опросах, зафиксировавших перелом устойчивых тенденций, характерных для “послекрымского” периода.

Выявленные нами признаки фундаментальных изменений в массовом сознании должны были естественным образом резонировать с крайне непопулярным решением о повышении пенсионного возраста. В первую очередь, негативную реакцию населения должен был усилить обострившийся запрос на справедливость, который вытеснил надежды на сильного лидера. Ослабившиеся надежды на государство и усилившееся стремление опереться на собственные силы ограничило в этот критический момент влияние центральных СМИ на общественное мнение. В такой ситуации массовый запрос на быстрые и решительные перемены в сочетании с растущим стремлением граждан к самообъединению должны были способствовать усилению склонности к протестам и политической активности. Возникают вопросы:

- насколько ситуативной оказалась эта обостренная реакция?
- насколько протяженной во времени будет новая волна популизма?
- не загаснет ли она столь же быстро, как и началась, под влиянием каких-либо внешних событий, как это случилось в 2014 г. или в 2006 г. после спада напряженности, вызванной монетизацией льгот?

Если обратиться к эпизоду монетизации льгот в 2005 г., то тогда всплеск протестов не был подкреплён фундаментальными факторами изменения массового сознания. Поэтому он сошел на нет менее чем через год, а большинство социологических индикаторов вернулось в относительно “спокойное” русло. Но теперь, когда непопулярное решение властей сыграло роль триггера для активации более фундаментальных изменений, последствия могут растянуться на более длительное время. От того, произойдет нечто подобное на этот раз или нет, во многом зависит долгосрочное развитие общественно-политической ситуации в стране [Белановский, Дмитриев 2012].

Однако для ответа на эти вопросы у нас пока недостает социологических данных. Новые изменения в массовом сознании порождают новую повестку на стыке социологических, социальных и психологических исследований, которые могли бы уменьшить неопределенность в отношении дальнейших перспектив социально-политического развития. В любом случае социально-политический фон развития страны в очередной раз начал стремительно меняться, и для понимания возможных последствий этих изменений нужны новые исследовательские подходы, которые еще предстоит сформулировать<sup>8</sup>.

---

<sup>8</sup> В октябре 2018 г. было проведено дополнительное исследование на эту тему. С анализом его результатов можно будет познакомиться в следующем номере журнала.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белановский С.А., Дмитриев М.Э. (2012) Общество и власть в условиях политического кризиса. Доклад экспертов Фонда “ЦСР” Комитету гражданских инициатив. Москва: Фонд “Центр стратегических разработок”.

Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г., Никольская А.В. (2013) Новое электоральное равновесие: среднесрочный тренд или “временное затишье”? М.: Фонд “Центр стратегических разработок”.

Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г., Омельчук Т.Г. (2011) Перспективы политической трансформации России. М.: Фонд “ЦСР”, РАНХ и ГС.

Волков Д., Колесников А. (2017) Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый запрос на изменения? М.: Московский центр Карнеги.

Кесельман Л., Мацкевич М. (2003) Груз ответственности // Петербург. Место и время. № 1. С. 75–79.

Луман Н. (2006) Дифференциация. М.: Логос.

Пезшкян Н. (2001) Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов. СПб.: Речь.

Урнов М.Ю. (2012) Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений) // Общественные науки и современность. № 5. С. 71–88.

McCrae R.R., Costa Jr. P.T. (1997) Personality trait structure as a human universal // *American Psychologist*. Vol. 52. Pp. 509–516.

---

## Signs of fundamental shifts in the mass consciousness of Russians

S. BELANOVSKY\*, M. DMITRIEV\*\*, A. NIKOLSKAYA\*\*\*

\* **Belanovsky Sergey** – PhD of economics, Senior researcher fellow of Public Policy and Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 82/2 Vernadsky prosp., Moscow, 119571. E-mail: sbelan@yandex.ru

\*\***Dmitriev Mikhail** – doctor of economics, President Business Partnership “New Economic Growth”. Address: 17/2 office 106 Petrovka st., Moscow, 10703. E-mail: mikhaildm@mail.ru

\*\*\***Nikolskaya Anastasia** – PhD of psychology, Associate Professor of psychology of Russian state University. A. N. Kosygin. Address: 33 Sadovnicheskaya street, Moscow, 115035. E-mail: tonokazutoya@gmail.com

### Abstract

The article presents the results of qualitative sociological research conducted in April-May this year in Moscow, Vladimir and Gus-Khrustalny. The data obtained revealed the signs of fundamental changes in mass consciousness, which interrupt the established trends, but have not yet been fully manifested in quantitative sociological surveys. Spontaneous changes in the mass consciousness, which are themselves the result of interpersonal communication, are able to form a new a fundamental and sustainable trend. These changes include a shift from external to internal locus of control, growing appetite for risk, weakening appeal of strong political leadership and stronger demand for social justice. It is hypothesized that such changes in the mass consciousness can lead to the development of a new socio-political agenda associated with the rise of counter-elite populism.

**Keywords:** locus of control, social media, personality profile, social justice, populism

### REFERENCES

Belanovskiy S.A., Dmitriev M.E. (2012) *Obshchestvo i vlast' v usloviyakh politicheskogo krizisa. Doklad ekspertov Fonda “CSR” Komitetu grazhdanskikh initsiativ* [Society and power in a political crisis. Report of the experts the Fund “Center for strategic research” for Committee of civil initiatives]. Moscow: Fond “CSR” [Fund “Center for strategic research”].

Belanovskiy S.A., Dmitriev M.E., Misikhina S.G., Nikol'skaya A.V. (2013) *Novoe elektoralnoe ravnovesie: srednesrochniy trend ili vremennoe zatishie?* [A new electoral equilibrium: mediumterm trend or a “temporary lull”?]. Moscow: Fond “Tsentr strategicheskikh razrabotok”.

Belanovskiy S.A., Dmitriev M.E., Misikhina S.G., Omel'chuk T.G. (2011) *Perspektivy politicheskoy transformatsii Rossii* [Prospects for Russia's political transformation]. Moscow: Fond “Tsentr strategicheskikh razrabotok”.

Kesel'man L., Matskevich M. (2003) Gruz otvetstvennosti [Burden of responsibility]. *Petersburg. Mesto i vremya*, no. 1, pp. 75–79.

Luman N. (2006) *Differentsiatsiya* [Differentiation]. Moscow: Logos.

McCrae R.R., Costa Jr. P.T. (1997) Personality trait structure as a human universal. *American Psychologist*, vol. 52, pp. 509–516.

Pezshkian N. (2001) *Psikhoterapiya povsednevnoy zhizni: trening razresheniya konfliktov* [Psychotherapy of everyday life: conflict resolution training]. St. Petersburg: Rech'.

Shavitt S., Nelson M. R. (2002) The role of attitude functions in persuasion and social judgment. *The persuasion handbook: Developments in theory and practice*. Dillard J.P., Pfau M. (Eds.) Thousand Oaks (CA): Sage Publications, pp. 137–153.

Urnov M.Y. (2012) Chto est' spravedlivost'? (Popytka analiza massovykh predstavleniy) [What is justice? (An attempt of analysis of public perceptions)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 71–88.

Volkov D., Kolesnikov A. (2017) *My zhdem peremen. Est' li v Rossii massovyy zapros na izmeneniya?* [Is there a mass request for changes in Russia?]. Moscow: Moskovskiy tsentr Karnegi.

© С. Белановский, М. Дмитриев, А. Никольская, 2019